

Елена Гусарева

Забывать не могу



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-1-93
ББК 83.8
Г96

Гусарева Е.

Забывать не могу / Е. Гусарева — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 160 с.

ISBN 978-5-5321-1166-0

Кто сказал, что юность – счастливая пора? Для многих это время серьезных испытаний, сильных переживаний, катастроф и потерь. Время, когда мы силимся понять и простить, но не понимаем и не прощаем. Понимаем лишь много лет спустя и прощаем не от любви, а от усталости ненавидеть. Это остросюжетная драма о жизни подростков из неблагополучных семей, о подростковой преступности и субкультуре “АУЕ”; о первой любви, которая часто оставляет память на всю жизнь, но не имеет продолжения. В оформлении обложки использована авторская иллюстрация художницы Алисы Франц.

ISBN 978-5-5321-1166-0

© Гусарева Е., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2018

Глава 1. Вера

Мокрые жухлые листья липли к грязным ботинкам. Штанины внизу в бурых разводах. И как только ее угораздило забрести в самую глушь парка? Ведь шла по центральной, ярко освещенной аллее, а вдруг очутилась неизвестно где. Да еще эта парочка под деревом. Противно-то как! Вера спугнула их. Мужчина, неловко поправляя брюки, юркнул в парковые заросли. Его она не разглядела, только женщину. Та нарочито медленно запахла пальто и поправила волосы. «Дура!» – процедила она сквозь зубы, проходя мимо Веры. Пока эти двое не скрылись из виду, Вера и шагу ступить не могла. Тело сделалось ватным, непослушным, но Веру это уже не удивляло. Провалы в памяти случались все чаще. На этой неделе их было два или три. Только бы не попасться в такие минуты на глаза матери.

Вера старалась ступать мягко, не делать резких движений. Каждый поворот головы отдавался острой болью. Она мечтала поскорее оказаться дома, забраться в мягкую постель и уснуть.

А вдруг этот вечер – последний? Вдруг она закроет глаза и... конец. Тревога заскребла под ложечкой, поползла мурашками по коже. Как же ей страшно! Разве можно умереть в шестнадцать?

Вера вышла к центральной аллее, увидела лавочку под фонарем и пошла к ней. Рука нащупала в кармане пачку сигарет.

«Смерти нет!» – сказала себе Вера и неловко прикурила. Это была ее третья сигарета, не сегодня, а вообще. Едкий дым затопил легкие. Она закашлялась и бросила сигарету под лавку. Огонек вспыхнул и погас. Вера выкинула пачку в урну.

«Глупо...»

* * *

– Может, сегодня останешься дома? – Мать стояла, прислонившись к дверному косяку.

– Мам, мы же договорились, – не глядя на нее, Вера зашнуровывала грязные ботинки, которые так и не помыла с вечера. – Я полторы недели пропустила. И так сижу дуб убом.

– Тебе нельзя перенапрягаться, – мать нервно теребила в руках телефон. – Можно я тебя провожу?

– Нет, нельзя, – отрезала Вера. Она слишком резко поднялась с корточек. В глазах моментально потемнело, и она невольно покачнулась.

Мать всплеснула руками и бросилась к дочери. Подхватила ее под руки и усадила на низкий пуфик у зеркала.

– Ты на ногах не стоишь! – запричитала она.

– Мам, я чувствую себя хорошо, – твердо сказала Вера, отводя навязчивые руки матери.

– Голова не болит? – не унималась та.

– Нет, – Вера встала и закинула на плечо рюкзак. – Все, я пошла.

– Подожди. Ну, куда ты в таких ботинках? – мать кинулась на кухню и вернулась с рулоном бумажных полотенец. Она встала перед дочерью на колени и начала оттирать грязь с обуви. Вера не сопротивлялась. Она заметила, что маникюр у матери облупился, и подкрашиваться она давно перестала, совсем себя запустила. Ходит по дому в черной водолазке, будто уже в трауре.

– А отец где? – спросила Вера скорее от неловкости, чем из интереса. – Он вообще ночевал?

Мать отмахнулась. Не поднимая взгляда, встала с колен и понесла грязные салфетки на кухню.

– Иди в школу, – крикнула она.

* * *

На пороге класса Вера столкнулась с физичкой, Тамарой Михайловной. Старушка заискивающе улыбнулась, от уголков глаз побежали кривые ручейки морщинок. Она вежливо поинтересовалась о здоровье. Вера, как всегда, заявила, что полный порядок.

– Верочка, у тебя совсем нет оценок, – учительница смахнула с ее плеча невидимую пылинку и поправила лямку рюкзака. – Конец четверти на носу. Если готовилась, вызову тебя к доске.

Вера кивнула.

– Дорогая, у нас не было времени поговорить тогда... То, что ты видела на прошлой неделе... это совсем не то...

– Конечно, – оборвала ее Вера и пошла на свое место.

Олеся, соседка по парте с начальной школы, уже разложилась и сосредоточенно что-то писала в тетради. Вера подошла, и подруга быстро скрыла запись под локтем.

– О, привет! – сказала она, поднимая свои влажные коровьи глаза, в наивность которых не верил никто, знавший ее хоть немного. – Ты сегодня в школе. Как голова?

– Нормально.

Олеся закрыла тетрадь и спрятала ее в сумку.

– Тут на прошлой неделе Наташка сидела, – сказала она неуверенно. – Но я ей скажу, что... блин! Просто у нас сегодня проверочная, а я вообще ни в зуб ногой. Ты же знаешь, я пень в физике, а Наташка шарит.

– А я уже не шарю? – Вера начала раздражаться.

– Слушай, у тебя одни пропуска... Тебе-то все равно, а у меня аттестат.

– То есть мне все равно? – Вера встала и презрительно посмотрела на подругу.

– Верунь, ну не обижайся! Я не это имела в виду.

– Именно это!

Вера подхватила рюкзак и пошла на заднюю парту к троечнику Стасу. Видно, теперь ей место среди таких, как он.

– Бестактная дура! – прошипела она, вываливая содержимое рюкзака на парту. – Смотри, какая популярная вдруг стала.

Вера не хотела обижаться, но все-таки обиделась. Хотя Олесю тоже понять можно... Или нельзя? Вера совсем запуталась. А ведь если бы не она, быть Олесюке изгоем до конца учёбы. Это теперь все ее жалеют, понимают, что клептомания – психическое заболевание. Именно Вера буквально билась за подругу, чтобы ту не презирали и

не сторонились. А ведь по сути, Олеська самая настоящая воровка. Если пропала ручка, пенал, а то и сумка, иди и спрашивай Олесю. Она тут же признается, все вернет и извинится. Уж извиняться она умеет! Только на следующий день опять кто-то чего-то не досчитается. У каждого в классе, хоть по мелочи, да и стянула.

Работает Олеська чисто, можно сказать виртуозно. Никто никогда не ловил ее с поличным... до недавнего времени. Как-то Вера случайно заглянула в пустой класс во время перемены и увидела, как та роется в сумке учителя. Следовало немедленно уйти, но Вера почему-то распахнула дверь кабинета настежь, и все, кто был в коридоре, увидели остолбеневшую Олеську с чужим кошельком в руках. Та моментально расплакалась, хотя никто ее не ругал, и даже директора не вызывали. Она извинялась в два раза дольше обычного. Все отнеслись с пониманием. С того дня между подругами и не заладилось.

* * *

Физичка вызвала к доске и поставила четверку, решив за Веру большую часть задачи. На геометрии все сложилось куда менее гладко. Математичка всегда была стервой, и вlepила тройку. Но этой, в отличие от Тамары Михайловны, скрывать было нечего...

Про физичку давно сплетничали, мол, берет взятки за хорошие оценки. Но большинство учеников слухам не верили, считали ее доброй старушкой и скорее слабохарактерной, неспособной на такие выкрутасы. К тому же, заслуженный педагог. Но недавно Вера сама убедилась в справедливости подозрений. Она лично видела, как мать Прохорова передавала физичке деньги, а потом Денис получил «отлично» за контрольную и ответ возле доски, который еле тянул на тройку.

На литературе Вера почувствовала слабость и легкую тошноту. Пришлось отпроситься с урока. Уходить так демонстративно, конечно, не хотелось, но она знала, скоро начнется приступ. В такие минуты лучше найти спокойное, безлюдное место, чтобы перетерпеть.

На ходу проглотив несколько таблеток, Вера быстро оделась и сошла со школьного крыльца. Тяжесть в голове стремительно усиливалась. Перед глазами, застилая обзор, маячили серые пятна. Вера с трудом разбирала, куда идет. Ей следовало срочно отправиться домой, прилечь, вызвать скорую. Но домой она не собиралась. Если мать еще раз увидит ее в таком состоянии, отправит в хоспис, где только и останется умереть, накаченной наркотиками.

Вера совсем потерялась. Рыже-красная круговерть листвы, слякоть, наглые маршрутки, незнакомые лица, как бледные всполохи перед глазами... Руки утонули в чем-то холодном и склизком. Она подтянула колени к подбородку, и началось... Рождаясь в затылке, огонь побежал, заструился по венам, обхватывая голову, как корень дерева оплетает камень на своем пути. Веру скрутила судорога, она захрипела и забылась, больше не осознавая себя, чувствуя лишь пламя, объявшее мозг.

Когда очнулась, поняла, что лежит на мокром асфальте, головой на коленях у парня, смутно кого-то напоминавшего: лицо бледное и сосредоточенное, ярко-алые губы в трещинках, в уголке рта запекшаяся болячка, небритый подбородок. Парень судорожно сглотнул и неожиданно грубым голосом закричал в трубку сотового:

– Здесь девушка умирает! Приступ какой-то... Не знаю... нет, я ее не знаю... Адрес... Блин! – Парень закрутил головой. – Улица Молодежная, тут рядом...

Вера махнула рукой и выбила трубку из рук парня. Телефон отлетел и плюхнулся в лужу неподалеку.

– Ты че? – парень ошарашенно уставился на Веру.

– Все в порядке, – сказала она скрипучим голосом.

– Ни хрена себе в порядке! – он рванулся встать.

Голова Веры соскользнула с его колен и приложилась затылком об асфальт. Вера зажмурилась от боли.

– Да елки... блин! Прости, прости! – парень помог Вере сесть. – Нужно в больницу!

– Не нужно. У меня так бывает... пройдет, – Вера запустила руку в карман и достала таблетки. – Помоги открыть, пожалуйста, у меня руки грязные.

Парень тут же кинулся помогать, но был так напряжен, что просыпал половину баночки.

– Гадство! – выругался он опять, пытаясь собрать красные шарики.

– Ты меня не помнишь? – спросила вдруг Вера.

Парень замер и внимательно посмотрел на нее.

– Нет, – помотал головой.

– Ты ведь учился в пятой школе. В прошлом году еще ходил, а после нового года пропал куда-то.

– А ты из пятой, что ли?

– Ага. Вы переехали?

– Ну да, – парень дернул бровями. – Я че-то тебя совсем не помню. Ты из какого?

– Сейчас десятый «Б».

– А... так ты не с моей параллели?

– Ну да, на год младше. Я встану сейчас, проводишь меня? Тут недалеко.

– Конечно! – он порывисто подал ей руку.

Она помнила его именно таким – порывистым и резким. И смеялся он всегда громко и басовито, от души. Надо же было именно ему оказаться рядом в такой момент.

– А я тебя хорошо помню, – Вера попыталась отряхнуть брюки, но, почувствовав резкую боль в затылке, решила оставить их, как есть. – Иван Ставрыгин?

– Слушай, а я вообще тебя не помню, – рассеянно повторил он. – Ты точно в порядке? – Иван нагнулся к луже, выудил телефон и, не глядя, сунул его в карман.

– Извини за сотовый! Сломался?

– Забудь, – отмахнулся он.

Они медленно пересекли улицу.

– Может вспомнишь, я декорации рисовала для спектакля на новый год. А вы с театральной группой как раз репетировали в актовом зале.

Он пожал плечами.

Вера могла бы припомнить еще сотню таких же моментов, когда они были рядом, но он в упор не замечал ее.

– А куда вы переехали?

– Да... – он пожал плечами. – Частный дом купили в районе ж/д вокзала.

– А какая там школа?

– Хм... – он наморщил лоб, вспоминая. – Пятнадцатая, что ли...

– Так ты там не учишься?

– Не... я сейчас дома. Как-то не до школы пока.

– А... – Вера кивнула и решила больше не спрашивать.

Дальше они шли молча.

– Ну, вот тут я и живу, – Вера махнула в сторону своих окон на втором этаже элитного кирпичного дома с большими застекленными террасами.

– Ага, – Иван кивнул. – Ты все-таки вызови врача сегодня.

– Обязательно!

– Слушай, я тебе позвоню, ладно? Какой у тебя номер?

В затылке резко кольнуло, и Вера еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Она невольно поморщилась.

– Не стоит, – сказала она. – Я правда в порядке.

Он опустил глаза и кивнул. Потом отвернулся и, не прощаясь, быстро зашагал прочь.

Глава 2. Иван

«Вот идиот! – ругал себя Иван. – С чего вдруг попросил у нее номер? Как брезгливо она сморщилась. Как же ее зовут? Нина, что ли? Нет, Вера! Вечно щеголяла в модных шмотках, даже старшеклассницы ей завидовали. Папаша у нее, кажется, в администрации работает. Конечно, подумала, что я захочу позвонить, только чтобы выклянчить деньги за сломанный телефон».

Иван оглядел себя. Уже третий год он ходил в одной и той же поношенной куртке с давно ставшими короткими рукавами. Эту куртку еще с отцом покупали. Она и узнала-то его наверняка благодаря этой куртке. Помнится, однажды ему не хватило пары монет в школьной столовой, он обернулся и попросил у стоящих за ним в очереди девчонок добавить. Его подняли на смех. Она тоже была в их компании. Пришлось тогда забыть про обед.

Иван вытащил из кармана забрызганный грязью телефон. Стекло треснуло еще до того, как он ему достался, но сам гаджет работал отменно. Иван нажал кнопку включения. Экран остался темным.

– Зашибись, блин!

Брателло в кои-то веки подогнал айфон, а он утопил его на следующий же день, и пары звонков не успел сделать. Придется опять доставать неубиваемую Нокию.

«Какого черта она руками размахалась? – ворчал он про себя, расковыривая простуду над губой. – Может, обдолбалась своими таблетками? Иначе с чего ей врачей бояться? Эти богатенькие только выглядят прилично, а сами загоняются не хуже гопоты».

Иван успел подметить, что выглядела Вера не лучшим образом – помятая, в каких-то старых шмотках, но главное даже не это. Она всегда была яркой, крепко сбитой, даже спортивной, с выразительными чертами лица и здоровым румянцем, как пионерка с картинки в старом букваре. От той активистки осталась лишь тень – бледная, замученная, со впалыми щеками и темными кругами под глазами. Зачем-то подстриглась совсем коротко, а ведь раньше носила модные косы.